

Сы Юэ отправился к Вэнь Хэ.

Зайдя в комнату, он огляделся. Сразу было видно: это не стандартная гостевая спальня и уж тем более не безликий отельный номер. Стены были выкрашены в теплые тона, шкафы стилизованы под старину, а несколько ваз украшала роспись одного и того же мастера. На тумбе у окна стоял старый радиоприемник, а рядом с ним — букет белых роз. Книжный шкаф доверху заполняли тома самых разных жанров.

Вэнь Хэ уже переделалась в удобную домашнюю одежду. Она вышла из кабинета, заплетя волосы в косу на одно плечо и перехватив их темно-зеленым шелковым платком. В её облике сквозила классическая утонченность и мягкость.

Бросив взгляд на сына, она присела на край кровати. Сы Юэ тут же подлетел к ней и, «проскользив» по полу, опустился на колени перед ней.

— Ну, не сердись больше.

Вэнь Хэ легонько ткнула его пальцем в лоб:

— Ты каждый день извиняешься. Не надоело ещё?

— Откуда ты знаешь, что я извиняюсь каждый день?

— Дома ты вел себя точно так же: признаешь вину, но ничего не меняешь. Накосячил — и тут же лезешь на рожон снова, — Вэнь Хэ скрестила руки на груди, её изящные брови слегка сошлись у переносицы. — Бай Цзянь тебя балует, так что ты станешь ещё невыносимее, чем дома. Совсем берега потеряешь.

Сы Юэ виновато опустил голову:

— Ну, ты просто не говори Бай Цзяню, и всё. Откуда ему знать, каким я был дома?

Вэнь Хэ усмехнулась:

— Думаешь, он не знает? Он понимает тебя лучше, чем мы с твоим отцом.

Как мать, Вэнь Хэ не смела утверждать, что знает сына лучше всех на свете. У Сы Юэ было много маленьких секретов, которыми он не всегда хотел делиться с ней. Но если это были безобидные тайны, она относилась к этому с пониманием.

Сы Юэ и сам не знал, как это измерить — кто понимает его лучше? Он, как «объект исследования», вряд ли мог судить объективно.

— Ты точно всё решил? — спросила мать.

Сы Юэ понял, о чем она. Он кивнул и поднял на неё взгляд:

— Теперь уже поздно идти на попятную.

Вэнь Хэ, нарочито сильно, хлопнула его по плечу:

— В любом случае, человек ты или тритон, ты — мой сын.

— Госпожа Вэнь, а у вас отличная выдержка! — Сы Юэ притворно поморщился от «боли», зная, что мать никогда не ударит его по-настоящему. — А папе ты уже сказала?

— Пока нет. Выпадет случай — сам ему скажешь.

Сы Юэ недовольно выпятил губу:

— Он, небось, только рад будет.

Вэнь Хэ улыбнулась:

— На твоём отце сейчас ничего не числится. Пусть вкалывает по дому, всё равно в будущем всё достанется тебе.

— Идет, — согласился Сы Юэ.

— Если сам не будешь справляться с делами — найми людей. А каких именно — спроси у Бай Цзяня. В этом плане он тебе в учителя годится, — Вэнь Хэ видела в Бай Цзяне и своём сыне совершенно разные типажи. Несмотря на материнскую любовь, она не могла не признать: между ними — пропасть.

Неудивительно, что Сы Юэ «поплыл» всего за месяц.

Сы Юэ округлил глаза:

— Ну мам, ты прямо как завещание диктуешь...

Вэнь Хэ чувствительно ущипнула его.

— Ой! — Сы Юэ, прикрывая руку, поспешно отскочил в сторону.

Видя его поразительную беспечность, она подумала: «Я надеялась, что брак с такой влиятельной семьей, как Бай, научит его хоть чему-то. Не ждала глубоких познаний в бизнесе,

но надеялась, что он станет мудрее в житейских делах». Однако сегодня ей показалось, что хитрости в его голове стало даже меньше, чем раньше.

Закончив разговор с матерью, Сы Юэ наконец смог вернуться в свою комнату, чтобы рассмотреть ту самую чешуйку за ухом. С волнением он сорвал пластырь. Ему и в голову не приходило, что он, владелец этой самой чешуи, увидит её лишь третьим по счету.

Зеркало было начисто протерто. Сы Юэ повернул голову и... замер. За ухом ничего не было. Лишь небольшое красное пятнышко — след от слишком пылкого поцелуя Бай Цзяня.

Исчезла? Сама собой спряталась? А он даже посмотреть не успел!

«Ну, раз она один раз вылезла, значит, появится снова», — подумал Сы Юэ, приклеил пластырь обратно и в легком унынии спустился вниз.

Он подошел к аквариуму Бай Лу и постучал по стеклу. Бай Лу, пребывавший в дурном настроении, всплыл на поверхность и огрызнулся:

— Чего тебе?!

— У меня выросла чешуйка, — сообщил Сы Юэ.

— Чешуйка?! — Бай Лу мигом высунулся из воды и вцепился в край аквариума, его глаза загорелись. — Покажи-покажи-покажи! Где она?

Сы Юэ, задрав голову, лениво протянул:

— Уже не видно. Она была за ухом.

Бай Лу понимающе закивал:

— А-а, так она начала расти за ушами... В следующий раз, как появится, первым делом мне покажи, ладно?

Сы Юэ как раз за этим и пришел — ему нужны были ответы.

— И когда она теперь появится?

— Ну, это... — Бай Лу серьезно задумался, похлопывая хвостом по воде. — Если судить по нам, зрелым тритонам... Хе-хе...

Сы Юэ подпрыгнул и отвесил ему легкий подзатыльник:

— Ты чем хвастаешься?

— Ай! Да я к тому, что у нас, взрослых и стабильных тритонов, чешуя за ушами проступает только при определенных эмоциях. Например, когда стыдно, когда сердце екает или когда злишься. В общем, когда эмоции выходят из-под контроля. Конечно, чем сильнее у человека самоконтроль, тем реже она появляется. Некоторые вообще умеют её скрывать так, что вечно выглядят как обычные люди.

Бай Лу высунулся из аквариума еще сильнее, его лицо так и светилось любопытством:

— Мой брат, с его-то уровнем, может контролировать это сознательно. Нам до него далеко. А-Юэ, а какого цвета твоя чешуя?

— Белая.

— Белая? — Любопытство Бай Лу сменилось недоумением. — Почему белая? Потому что у брата серебристая? Я никогда не видел белых тритонов.

Впрочем, он не стал долго ломать над этим голову. Его главной мечтой оставалось увидеть Сы Юэ в полном обличе.

— Когда у тебя появится хвост, я должен стать первым, кто его увидит! Среди людей!

— И среди тритонов тоже! — громко добавил он.

Сы Юэ склонил голову набок:

— Вообще-то, первым его увижу я сам.

«Черт, я даже чешуйку свою не видел...»

— Ну, тогда ты — первый, брат — второй, я — третий... — Бай Лу начал загибать пальцы, но вдруг замер и посмотрел вверх. — Та красивая дама — это твоя мама?

В гостиной Бай Лу запретили вылезать из аквариума. Дядя Чэнь и брат опасались, что женщина может испугаться тритона, поэтому ему пришлось наблюдать издалека.

— Да, — кивнул Сы Юэ. — Теперь мама будет жить здесь. Она сможет составить тебе компанию, она знает кучу всяких игр.

Бай Лу закивал как заведенный:

— Здорово, здорово, просто отлично!

Посмотрев на нежно-фиолетовый хвост, прижатый к стеклу, Сы Юэ нахмурился:

— Как твой хвост? Не болит?

— Нормально, уже несколько дней не болел, — Бай Лу звонко шлепнул хвостом по воде.

Чешуя на нем сияла здоровым влажным блеском. Глядя на этого лениво плещущегося тритона, трудно было поверить, что он страдает от врожденного недуга — хвост выглядел сильным и здоровым.

Ужин Вэнь Хэ приготовила сама. В отличие от ресторанных блюд профессиональных поваров, её еда пахла домом. Сы Юэ с аппетитом уплетал за обе щеки и даже попросил добавку.

Бай Лу рис есть не стал — Вэнь Хэ приготовила для него целую миску салата из медуз и моллюсков. Он обнимал эту миску, и в его глазах стояли слезы счастья:

— Я люблю маму! Обожаю маму!

Ради такой еды Бай Лу был готов стать сыном кого угодно, даже если этой «маме» такой сын был не особо нужен.

Поскольку приехала Вэнь Хэ, почетное место во главе стола уступили ей как старшей. Сы Юэ сидел напротив Бай Лу. По сравнению с тем, как мелкий тритон зарывался лицом в миску, манера Сы Юэ набивать рот едой казалась верхом изящества.

Вэнь Хэ и Бай Цзянь обменялись понимающими улыбками и продолжили трапезу. Заметив, что Сы Юэ не дотягивается, Бай Цзянь пододвинул к нему блюдо с запеченными под сыром креветками.

— Спасибо, — Сы Юэ зачерпнул мясо креветки. Оно было еще обжигающим, поэтому ел он осторожно. — Мне сейчас надо плотно питаться. А то вдруг, когда стану тритоном, придется как Бай Лу — вечно есть сырые морепродукты.

Бай Лу поднял голову:

— И что не так с сырыми морепродуктами? Ты что, дискриминируешь сырую еду?

Сы Юэ улыбнулся:

— Я просто не люблю морепродукты. Ни сырые, ни вареные.

— И как это можно есть? — Бай Лу терпеть не мог термически обработанную пищу. В детстве пробовал, но вкус казался невыразительным, а текстура — слишком мягкой и разваренной.

Не дожидаясь ответа, Бай Лу схватил креветку прямо в панцире и засунул в рот. Тут же начал смешно дышать, обжегшись, но выплевывать не пожелал. Дядя Чэнь подал ему стакан воды. Бай Лу взял его, но пить не стал, пока не проглотил креветку.

— Это... — он указал вилкой на блюдо. — Сладковато-соленое и такое... упругое. Вкусно! Мам, приготовь мне завтра такое же!

Вэнь Хэ с улыбкой кивнула:

— Хорошо.

— Это моя мама, — напомнил Сы Юэ.

Но сообразительность Бай Лу в вопросах еды была на высоте:

— Мама А-Юэ — это мама моего брата. А мама моего брата — это моя мама!

Сы Юэ зачерпнул еще порцию, аккуратно дуя на нее. Сыр тянулся длинными мягкими нитями. Он сосредоточенно вытягивал их всё длиннее и длиннее, пока Вэнь Хэ не кашлянула, призывая к порядку. Сы Юэ мельком глянул на маму и быстро втянул сыр языком. При глотке его кадык отчетливо дернулся.

Бай Цзянь отвел взгляд от губ Сы Юэ и продолжил неспешно ужинать.

После ужина Сы Юэ достал учебники. Перед тем как подняться к себе, он заглянул в малую гостиную:

— Бай Цзянь, можно тебя попросить об одном одолжении?

— Слушаю, — Бай Цзянь подпер подбородок рукой, глядя на юношу в дверях.

— Ты не мог бы попозже принести мне в комнату бутылочку колы? — шепотом спросил Сы Юэ.

Бай Цзянь вопросительно выгнул бровь.

Сы Юэ, поняв немой вопрос, покосился в сторону большой гостиной:

— Мама там болтает с дядей Чэнем и горничными. Похоже, это надолго. Она уже собралась покупать стол для маджонга. Если я пойду на кухню за газировкой, она точно начнет читать нотации. А если ты будешь пить — она промолчит. Так что возьми её как бы для себя и принеси мне.

— Холодную?

— Ледяную.

— Но в твоём состоянии... — голос Бай Цзяня стал тише и серьезнее, — тебе, пожалуй, нельзя сейчас ледяное.

Здоровье Сы Юэ сейчас было не в лучшей форме. Даже по сравнению со вчерашним днем, сегодня он стал чуточку слабее, хотя сам этого пока не замечал.

Сы Юэ облизнул губы. Он никогда не пробовал по-настоящему качать права перед Бай Цзянем — побаивался. Тот лишь казался мягким, но на деле был человеком стальных принципов, с которым крайне трудно договориться. Сы Юэ слишком хорошо его изучил: за внешним спокойствием скрывался ум, в котором было больше ходов и уловок, чем дырок в пчелиных сотах. Иначе бы семья Бай не удерживала свои незыблемые позиции в Цинбэе десятилетиями.

— Без льда. Закончу дела и принесу, — Бай Цзянь постучал ручкой по столу. — Иди делай уроки.

— ... — Сы Юэ замялся. — Есть еще кое-что.

— Да?

— Где в твоём доме пианино? — занятия в университете он мог и пропустить (Бай Цзянь наверняка уладит вопрос с посещаемостью), но вот вечер первокурсников прогуливать было нельзя. От их группы было всего пара номеров, и хоть на первое место они не претендовали, тянуть всех назад не хотелось.

— В «твоем» доме? — Бай Цзянь снова отложил ручку.

Сы Юэ осекся и мигом исправился:

— В нашем доме. Где наше пианино?

Лицо Бай Цзяня мгновенно посветлело.

— Дядя Чэнь проводит тебя в музыкальную комнату, — мягко ответил он. — А почему ты вдруг спросил?

— На следующей неделе у нас в институте вечер первокурсников. Меня поставили выступать, а я только на пианино умею.

— Вечер первокурсников?

— Угу.

Бай Цзянь на мгновение задумался.

— Ах да, припоминаю.

— Что? — Сы Юэ не понял. — Что ты припоминаешь?

— Вчера мне звонил декан медицинского факультета. Приглашал посетить ваш праздник в качестве почетного гостя, — неспешно пояснил Бай Цзянь.

Сы Юэ замер.

Первой эмоцией была не неловкость, а осознание колоссальной разницы в их статусе. Он — «инструмент» для выступления, а его парень — важный гость, которому декан звонит лично.

— Что собираешься играть? — Бай Цзянь откинулся на спинку кресла. Его взгляд за линзами очков был теплым и полностью сосредоточенным на юноше. — Тебе нужно подготовить костюм?

Сы Юэ слегка поник:

— Видимо, да. У меня здесь нет парадной одежды.

— Что случилось? — Бай Цзянь сразу почувствовал перемену в его настроении.

Сы Юэ вздохнул и лениво прислонился к дверному косяку:

— Просто подумал... Как хорошо, что ты богат. Иначе я бы тебя точно не прокормил.

— Ты? Собирался меня содержать? — уголки губ Бай Цзяня поползли вверх. — Вот, значит, о чем ты думаешь.

Сы Юэ вскинул глаза:

— А как иначе?

— Договорились, — кивнул Бай Цзянь. — Тогда учись хорошенько. Когда пойдешь работать — отдашь мне свою зарплатную карту.

Сы Юэ: «...»

— Знаешь что, обеспечивай-ка себя сам. Господин Бай, владелец несметных сокровищ, еще и

на мои гроши зарится... — ворча на ходу, Сы Юэ поспешно закрыл дверь и сбежал, не дав Бай Цзяню вставить ни слова.

Дядя Чэнь отвел Сы Юэ в музыкальную комнату. Она находилась в главном здании на самом верхнем этаже. Было очевидно, что сюда давно никто не заходил.

— Здесь регулярно убираются, чистят инструменты и проверяют настройку. Всё оборудование готово к работе. Если вам, молодой господин, понадобится какой-то другой инструмент, я распоряжусь, чтобы завтра его доставили.

В углу комнаты стоял большой рояль, накрытый плотной черной тканью, края которой мягко ниспадали на пол.

— Не нужно, мне только пианино. Спасибо, дядя Чэнь, — поблагодарил Сы Юэ.

Комната была просторной и светлой. У двух стен стояли огромные зеркала, а вдоль остальных ровным рядом расположились инструменты: виолончель, скрипка, гитара...

Тусклый свет уличных фонарей падал на светлый паркет, создавая атмосферу классической элегантности.

Сы Юэ опробовал рояль — всё было в порядке. После этого он спустился в свою комнату делать задания.

Ему написал Е Ци из исследовательского института и прислал расписание на выходные. В первый день — экскурсия и помощь преподавателям, во второй — то же самое. Стажеров-первокурсников к серьезным экспериментам не подпускали: над ними были интерны, над теми — ординаторы, затем лаборанты и ассистенты. Целая иерархия. Институт принимал первокурсников, скорее, из уважения к университету.

[Сы Юэ: Учитель, а если у тритона хвост недоразвит с рождения, это лечится?]

Он особо не надеялся на положительный ответ, ведь даже Бай Цзянь не мог решить эту проблему. Люди тоже порой обладают баснословными богатствами, но остаются бессильны перед лицом болезней и смерти. Бай Цзянь, при всем своем могуществе, не мог идти против законов природы. Врожденные заболевания одинаково жестоки и к людям, и к тритонам.

[Е Ци: О каком именно недоразвитии речь? Существует множество типов дисплазии хвоста, у каждого свои симптомы. Важно знать, как прогрессирует болезнь. Наш директор как раз исследует способы борьбы с этим недугом. В прошлом месяце вроде были подвижки. Завтра могу уточнить.]

Сы Юэ не ожидал такого ответа. Институт Цинбэя, каким бы его ни ругали, в сотни раз превосходил любую обычную больницу. Власти уделяли исследованиям огромное внимание.

Если даже «сосланный» Пятый институт занимался чем-то, это было на порядок выше любого гражданского проекта. Сы Юэ никогда не верил слухам, что там изучают всякую ерунду. Будь это так, институт давно бы закрыли.

[Е Ци: Ты же человек? Почему тебя это интересует?]

Сы Юэ быстро набрал: «У меня есть друг, который из-за этого бросил учебу. Просто стало любопытно».

[Е Ци: Тяжелое дело. Случаев полного исцеления пока нет. Тритоны с врожденной патологией хвоста обычно не доживают до пятидесяти. Твоему другу...]

Сы Юэ вздрогнул.

[Сы Юэ: Разве не до семидесяти-восемидесяти?]

[Е Ци: На моей памяти только один тритон с таким диагнозом дотянул до семидесяти девяти. Остальные уходят до пятидесяти. Сколько твоему другу сейчас?]

[Сы Юэ: 38.]

[Е Ци: Совсем молодой еще, считай, малек. Жаль.]

[Е Ци: Но не вешай нос. Может, исследование нашего директора увенчается успехом. Если лекарство разработают, понадобятся волонтеры. Можешь предложить другу. Это бесплатно, еще и приплатят. Если препарат выйдет на рынок, цена будет не меньше семизначной суммы.]

Сы Юэ не стал продолжать разговор. Отправив стикер, он положил телефон и уткнулся лицом в стол.

От тридцати восьми до пятидесяти — всего двенадцать лет. С одной стороны, срок немалый, но для разработки уникального лекарства этого времени катастрофически мало.

Раздался стук в дверь.

— Войди, — отозвался Сы Юэ.

Вошел Бай Цзянь с двумя баночками колы. Увидев их, Сы Юэ почему-то не обрадовался.

— Расстроился?

Сы Юэ взял колу и глухо спросил:

— Ты не говорил мне, что с болезнью Бай Лу живут только до пятидесяти. Мне он сказал, что до восьмидесяти. Он сам-то знает? — он отхлебнул напиток, колючие пузырьки газа обожгли язык.

Бай Цзянь сел напротив, привычно пододвинул к себе учебник Сы Юэ и начал помечать важные моменты.

— Знает.

— Один преподаватель из института сказал, что Чжоу Вэньсяо работает над лекарством, — Сы Юэ задумчиво вертел в руках холодную банку. — Ты связывался с ним?

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием ручки по бумаге. Бай Цзянь перевернул страницу.

— Его исследования финансируются одной из дочерних компаний семьи Бай. Я не вникаю в детали, этим вопросом занимается Цзянь Юй.

Сы Юэ всё понял. Бай Цзянь стоит слишком высоко — с его вершины не разглядеть того, что происходит у подножия горы. И если бы были реальные успехи, Цзянь Юй бы уже доложил. А раз Бай Цзянь не в курсе — значит, похвастаться нечем.

— Я сам всё разузнаю, — Сы Юэ невольно сжал банку, и кола брызнула через край. Он вздрогнул, поспешно отодвинул учебники и прижал к лужице пачку салфеток. — Бай Лу еще такой маленький. Нельзя же позволить ему уйти в пятьдесят.

Пятьдесят лет для тритона — это как семнадцать-восемнадцать для человека. Ведь средняя продолжительность жизни тритонов превышает два столетия.

Бай Цзянь забрал салфетки из рук Сы Юэ и сам принялся вытирать стол.

— Есть вещи, которые нам неподвластны.

Сы Юэ пристально посмотрел на него:

— Может, ты и прав. Но я с этим не согласен.

Когда он узнал о рисках превращения, когда не знал, сможет ли вообще стать тритоном, а Бай Цзянь при этом оставался почти бессмертным — он всё равно пошел на это. Не всегда нужно ждать идеального и гарантированного результата.

— Если мы знаем, что всё закончится плохо, почему бы не поставить на тот один шанс из десяти тысяч? Что может быть хуже того, что уже есть?

Сы Юэ набрался наглости и вытянул ноги под столом, упершись ступнями в живот Бай Цзяня.

— Вы, старики, вечно такие — топчетесь на месте, всё взвешиваете...

Бай Цзянь свободной рукой обхватил его щиколотку.

— Это называется предусмотрительность.

— Да хрен там, — не раздумывая, парировал Сы Юэ.

Пальцы тритона с силой надавили на внутреннюю сторону лодыжки. Резкая боль заставила ногу мгновенно онеметь.

— Не ругайся.

Сы Юэ почувствовал: будь он крокодилом, устроил бы Бай Цзяню «смертельное вращение» на 360 градусов. Но он был лишь человеком. Стиснув зубы, он прошипел:

— Я сейчас маме пожалуюсь!

Бай Цзянь тихо рассмеялся и ослабил хватку, но ногу не отпустил, оставив лодыжку Сы Юэ лежать у себя на колене.

— Ты уже не в детском саду.

— Ц-ц! — цыкнул Сы Юэ. — А кто меня недавно «человеческим детенышем» называл?

Бай Цзянь покрутил ручку в пальцах, наклонился и легонько ткнул её колпачком Сы Юэ в лоб.

— Тебе восемнадцать, мне триста. По возрасту ты — детеныш. Но с физиологической точки зрения ты вполне созрел.

Именно с физиологической, а не с психологической. В плане психологии Сы Юэ всё еще оставался «мальком» — только дети бывают такими безрассудными, наивными и в то же время такими искренними и пылкими.

Сы Юэ почувствовал, как лицо заливают краской. Он прекрасно понял подтекст. Жар полыхнул не только в щеках, но и за ушами. Он невольно потянулся рукой к шее — там всё еще был пластырь, ничего лишнего не прощупывалось.

Бай Цзянь хотел было спросить, что он там ищет, но Сы Юэ внезапно побледнел. Его рука отдернулась от уха, а всё тело резко дернулось. Безмятежность мигом слетела с лица Бай Цзяня.

Сы Юэ глухо застонал и медленно повалился на стол. Он до боли сжал кулаки, его затрясло. Он резко подтянул ноги к себе.

— А-Юэ?!

Сы Юэ не ответил — он просто сполз на пол, обхватив голову руками и свернувшись калачиком. Казалось, кто-то нанес ему сокрушительный удар сзади, будто череп раскалывался на куски. Перед глазами вспыхнул ослепительный белый свет, а в ушах зазвенело так громко, что он перестал слышать голос Бай Цзяня.

— Бай Цзянь... больно! Голова раскалывается! — прохрипел он.

Он почувствовал, как его подхватили на руки, прижали к груди. Сы Юэ стиснул зубы, его колотило как в лихорадке, а кожа стала белой, как известь. Он не мог усидеть на руках, вырвался и скатился на ковер. Слезы вперемешку с холодным потом катились по вискам.

— Так больно... — этот стон вырвался из самой глубины горла. Каждое слово давалось с трудом, дыхание перехватило.

В его теле столкнулись два экстремальных полюса: огонь и лед. Пламя превращало кости в пепел, а лед сковывал кровь в жилах. Казалось, по нему медленно проезжают колеса тяжелого грузовика, выжимая остатки кислорода из легких.

Эта боль была за гранью человеческого терпения. Сы Юэ казалось, что он умирает. В какой-то миг он даже пожелал, чтобы кто-нибудь просто прекратил его мучения одним ударом.

— Мама... — всхлипнул он.

Бай Цзянь застыл, его лицо было мрачнее тучи, а в глазах металось редкое для него чувство беспомощности. Он знал, что трансформация — процесс болезненный, но он так берег Сы Юэ, что даже при поцелуях боялся причинить ему дискомфорт.

Бай Цзянь снова обнял его сзади. Сы Юэ развернулся в его руках и вдруг впился зубами в его плечо. В какой-то момент у него прорезались острые клыки, которые мгновенно прокусили ткань рубашки и вошли глубоко в плоть тритона.

Бай Цзянь даже не поморщился. Он лишь целовал Сы Юэ в уши и виски, осушая губами холодный пот.

Сы Юэ продолжал дрожать всем телом, даже вцепившись зубами в Бай Цзяня. Он был весь мокрый, будто его только что вытащили из воды. Весь приступ длился меньше двух минут, но для Сы Юэ они растянулись в вечность.

Во рту появился отчетливый, тяжелый привкус крови.

Придя в себя, он с содроганием вспомнил пережитое. Эта боль — резкая, внезапная, словно его разрывали пополам. Теперь он понял, почему Бай Цзянь запрещал ему ходить в университет. Сы Юэ никогда и ничего не боялся, но эта внезапная вспышка агонии заставила его испытать настоящий первобытный ужас. Это было состояние на грани смерти, когда сама жизнь кажется проклятием.

Сы Юэ крепко обхватил Бай Цзяня за талию, стараясь вжаться в него как можно сильнее. В этот момент близость тритона была единственным, что могло его успокоить.

Они долго сидели так в тишине. Сы Юэ наконец поднял голову. Краска понемногу возвращалась к его лицу, хотя в глазах еще стояли слезы. Он выглядел таким несчастным и трогательным, что сердце сжималось от боли.

Самое время для утешительного поцелуя — так подумал Бай Цзянь.

Но сознание Сы Юэ, хоть и было еще затуманено, среагировало иначе. Увидев в глазах партнера бесконечную жалость, он понял: сейчас либо кто-то из них разрыдается, либо нужно срочно менять тему.

Он откашлялся и сиплым голосом спросил:

— А где мой «Бугатти»? Ты ведь меня не обманул?

В глазах Бай Цзяня мгновенно промелькнула улыбка.

<http://bllate.org/book/14657/1301539>